

РЕЦЕНЗИИ

Стефан Кройцбергер, Сабине Грабовски, Ютта Унзер, (Сост.), *Внешняя политика России: от Ельцина к Путину*, Пер. с нем. Н. Комаровой. – Киев: Оптима, 2002. – 304 с.

С момента выделения Российской Федерации как субъекта международного права политики, эксперты, публицисты дискутируют о желательной форме внешней политики этого государства, пытаясь определить ее основные цели и успешные методы их реализации. В российских дискуссиях редко учитывались мнения экспертов из других стран. Более серьезную реакцию, особенно в среде националистической, вызывали лишь работы таких исследователей, как Сэмюэл Хантингтон или Збигнев Бжезински. Тем не менее, в последние годы количество русских переводов западных публикаций начало возрастать. Одним из примеров этой положительной тенденции является коллективная монография под редакцией немецких экспертов Стефана Кройцбергера, Сабине Грабовски и Ютты Унзер, озаглавленная «Внешняя политика России: от Ельцина к Путину», вышедшая в свет в прошлом году. Интересно, что книга была переведена и издана на Украине и лишь потом попала на российский рынок. С целью наиболее широкого раскрытия проблематики редакторы пригласили к участию в работе более двадцати специалистов, исследующих российскую внешнюю политику (прежде всего из Германии, хотя есть еще два автора из США и один из Швейцарии).

Вначале следует обратить внимание на продуманную конструкцию книги. Она членится на основе ясных и понятных критериев. В первой части помещены статьи, анализирующие внутренние обусловленности российской внешней политики и представляющие главные субъекты, которые игра-

ли и играют решающую роль в процессе ее разработки и реализации. Во второй мы получаем анализ политики РФ по отношению к отдельным международным организациям – ООН, НАТО и ЕС. Далее представлена деятельность России в отношении к государствам СНГ, или к т. н. ближнему зарубежью, а затем отношения с отдельными государствами, либо рассматриваемыми как сами по себе (США, Германия), либо в контексте всего региона (Центральная Европа, Балканы, Ближний Восток, Восточная Азия). На книгу успели оказать влияние события 11 сентября 2001 г., так как в конце предложен анализ места и роли России в борьбе с терроризмом. Трудно дать критическую оценку всем статьям, поэтому остановимся на представлении отдельных тематических блоков и наиболее важных тезисов, содержащихся в них.

Автор первой статьи Ханнес Адомайт, эксперт из Немецкого института международной политики и безопасности (*SWP - Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit*), анализируя концептуальные основы российской внешней политики, подчеркивает последовательность между документами, изданными при президенте Б. Ельцине, и теми, которые появились уже при В. Путине. В тексте *Концепции внешней политики РФ* по-прежнему слышится эхо критики «однополярности» и призыва к «обеспечению России достойного места в многополярном мире». Х. Адомайт показывает противоречия, заложенные в фундамент российской политики. Например, только в упомянутом документе появляются различные оценки значения глобализации и экономической взаимозависимости, роли силы в международных отношениях или интеграционных процессов в мире. Представленный взгляд на потребность приспособления России к изменяющимся условиям теряется среди опасений по поводу чрезмерного вовлечения ее в глобальные процессы, которые могут угрожать слишком сильным влиянием внешних факторов. Из размышлений Адомайта следует, что российские деятели, создающие документы из сферы внешней политики, все еще живут в убеждении, что Россия – это глобальная сверхдержава, имеющая жизненные интересы на всех континентах, о чем свидетельствует непонятное признание практически всех регионов мира «приоритетными» или «важными» для России. Иронизируя по поводу российских концептуальных работ, немецкий автор в качестве причины неясности и двусмысленности указывает сплав «старого»

(в смысле до Путина) и «нового» мышления в области внешней политики.

Следующие авторы – Роланд Гётц и Ханс-Хенниг Шредер – представили анализ деятельности отдельных групп интересов и их воздействие на внешнюю политику. Первый из них бросает свет на экономические предпосылки внешней политики РФ, обнаруживая противоречие между российской потребностью господства в регионе и слабыми экономическими результатами, не дающими оснований для заявления претензий на лидерство. Р. Гётц указывает основные препятствия роста. Он прежде всего демифологизирует благоприятное влияние доходов от экспорта нефти и газа. Зависимость российских публичных финансов от влияния продажи сырья является, по его мнению, лишь признаком анахроничной структуры российской экономики, в которой современные отрасли промышленности (не связанные с военным или космическим сектором) делают лишь первые шаги, главным образом, по причине недофинансирования, являющегося следствием неблагоприятного т. н. инвестиционного климата в стране. Автор обнаруживает симптомы т. н. «голландской болезни» (*Dutch disease*)¹. Богатство природных ресурсов и большая выгода от их экспорта повышают желание увеличивать внешний долг, отвлекают внимание от структурных реформ и могут со временем привести к торможению роста и упадку промышленного сектора. Другие барьеры роста – это обширная сфера теневой экономики, слабость управления, всеобщая коррупция и утечка мозгов.

После вышеизложенного очерка макроэкономических обусловленностей внешней политики следующий автор – Ханс-Хенниг Шредер – обращается к теме воздействия хозяйственных элит на внешнюю политику РФ. Вследствие первоначальной дезорганизации государственного управления многие из его представителей, в том числе дипломатов, ушли на государственные и частные предприятия. Консолидация профессиональных групп интересов и усиленный лоббинг

---

¹ Автор имеет в виду, вероятно, голландский опыт деиндустриализации экономики страны, начавшейся после открытия значительных залежей полезных ископаемых (в случае Голландии это явление было связано с открытием залежей природного газа в Северном море), которые повышают стоимость валюты данной страны, влияя на снижение конкурентоспособности произведенных товаров и тем самым увеличивая импорт за счет экспорта и действуя на темпы экономического роста.

вызвали периодическое воздействие на государственную политику отдельных секторов, самое серьезное значение из которых до сих пор имеет сектор производства энергоносителей. Автор точно замечает, что лишь некоторые из групп интересов выражали желание влиять на внешнюю политику и что между ними велась усиленная борьба. Наибольшую заинтересованность финансово-промышленных групп возбуждали регион Каспийского моря (добыча и контроль за транспортировкой сырья), Европа (наиболее перспективный рынок сбыта), Иран (экспорт ядерных технологий). Кто знает, однако, не играют ли они более важную роль в ходе продолжающихся переговоров России по вопросу вступления в ВТО (в качестве примера Гётц приводит политику Газпрома, сопротивляющегося предъявляемым ВТО требованиям демонополизации и либерализации рынка), а также переговоров с международными финансовыми учреждениями. По мнению автора, ныне под нажимом президента и правительства РФ типичные до сей поры закулисные действия становятся более явными и прозрачными. В контексте последних событий вокруг Юкоса трудно, однако, подтвердить таким образом выдвинутый тезис. Наверняка среди политических элит выросло сознание значения отечественных предприятий для развития страны, тем не менее, по-прежнему сильным остается желание административного вмешательства в процессы, которые должны подчиняться рыночному регулированию.

Анализ субъектов, воздействующих на внешнюю политику РФ, был бы неполным без рассмотрения деятельности военно-промышленного сектора, представители которого имели огромное влияние на определение угроз для безопасности страны. По мнению Франца Вальтера, в военных кругах (как и в огромной части политической элиты) вплоть до 2000 г. существовало убеждение, что основная угроза для России исходит с Запада, что, естественно, отражалось на основных принципах внешней политики. В армии до сих пор существует миф России как сверхдержавы, а также убежденность в неизменности традиционных сфер влияния. В своем анализе автор слишком много места посвятил техническим аспектам разных проектов реформы вооруженных сил и слишком мало факторам, которые влияли на этот процесс. Нет здесь оценки влияния чеченского конфликта на оборонную политику государства. Прежде всего, однако, бросается в глаза полное отсутствие указания на роль, которую играет в России непре-

рывное соперничество между т. н. силовыми структурами (МВД, МО, ФСБ), в большой степени детерминирующее направления государственной политики, влияя на концептуальную работу.

В тематическом блоке, посвященном обусловленностям внешней политики, не могло не быть анализа деятельности институтов, конституционно отвечающих за определение ее направлений и реализацию целей. Тем не менее, статья, представленная Эберхардом Шнайдером, разочаровывает, так как почти целиком ограничивается перечислением содержащихся в конституции полномочий отдельных органов власти, начиная с президента, правительства и заканчивая парламентом. Статическое описание правового положения не сравнивается с положением фактическим. Не сделана также попытка проанализировать эффективность исполнения конституционных функций отдельными органами, а также сравнения их деятельности до и после занятия поста президента В. Путиным.

Во втором блоке статей авторы рассматривают политику России в отношении к ООН, НАТО и ЕС. Вначале Гюнтер Унзер анализирует значение ООН для российской внешней политики. Организация представляет для России институциональное проявление постулируемой «многополярности», поэтому, в частности, с середины 90-х гг. правительство РФ предлагает создание всеобщей системы безопасности под эгидой ООН, которая стала бы центром координации деятельности ее членов. Тем не менее, с самого начала Россия занимала консервативную позицию в вопросе институциональной реформы, которая объяснялась опасениями уменьшения влияния на процесс принятия решений. Как замечает автор, на заседаниях специальной группы по делам реформы СБ ООН российский представитель не выдвинул ни одного предложения изменений, в противоположность заседаниям Генеральной Ассамблеи, на которых Россия часто возобновляет призыв к возвращению престижа ООН и увеличению ее значения в области международной безопасности. Унзер справедливо заключает, что Россия чисто инструментально воспринимает Организацию, усматривая в ее укреплении шанс на сохранение прежней позиции в международных отношениях. В остальных статьях о политике РФ в отношении НАТО и ЕС авторы обширно представляют историю прежних отношений, указывают самые важные препятствия, затрудняющие

углубление сотрудничества (напр., синдром Косова), но также предвидят рост шансов более тесной кооперации. Текст о НАТО имеет учебный характер, является солидным и всесторонним анализом изменений в российской политике безопасности в контексте расширения НАТО на восток. В статье о Европейском Союзе Петер Шульце констатирует, что российские политики через много лет осознали наконец реальный характер европейской интеграции, замечая также ее политический аспект. Кроме все еще многочисленных недоразумений, отмечается прогресс в развитии взаимоотношений. Оптимизм автора возникает, однако, более из предчувствий, связанных с подписываемыми обеими сторонами документами, подтверждающими «стратегическое партнерство», чем из видимых признаков ускорения кооперации.

В следующей группе статей четыре автора анализируют прежнюю политику РФ в отношении т. н. «ближнего зарубежья» (С. 116-168), останавливаясь соответственно на политике в отношении СНГ, Беларуси и Украины, Закавказья и Средней Азии. Уже сам термин «ближнее зарубежье», введенный первым министром иностранных дел РФ Андреем Козыревым, предполагает особый характер отношений с бывшими советскими республиками. Хотя образование Содружества Независимых Государств должно было быть лишь «мирным разводом», российское правительство уже с 1994 г. начало деятельность в направлении т. н. реинтеграции постсоветского пространства. Как констатируют все авторы, действия России, направленные на подчинение стран СНГ под видимостью добровольной интеграции закончились фиаско, приведя лишь к обострению ситуации в некоторых регионах. Политика манипулирования кризисами имела особенно отрицательные последствия на Кавказе, где до сих пор тлеют непогашенные конфликты, подпитывавшиеся Россией в 90-е гг. Изменение российской стратегии, состоящее в отходе от трактовки СНГ как основного инструмента реинтеграции в пользу оказания давления посредством двусторонних отношений, признано авторами неэффективным. Хотя и трудно согласиться с мнением о маргинализации СНГ, нельзя при этом не замечать других форм интеграции, которые Россия пропагандирует при президенте В. Путине. Представляется, что все авторы слишком сосредоточились на исторических предпосылках именно этих, а не иных действий России, лишь скользая по теме качественных изменений, которые произошли

после прихода к власти Владимира Путина. Доминирует описание положения вещей, приводя к тому, что данные тексты в большой мере повторяют то, что уже многократно было проанализировано, к тому же более основательно. Можно также поставить вопрос, не заслуживали ли случаи Беларуси и Украины отдельного рассмотрения, тем более что статья, посвященная проблеме т. н. «славянского треугольника», не дает сравнительного анализа. Словом, весь блок на тему российской политики в отношении ближайших соседей представляет собой солидное описание прежних отношений, лишенный, однако, элемента прогноза. Ибо если все без исключения авторы упоминают в своих выводах признаки изменений в российской политике, следовало бы ожидать также мнения об их возможных последствиях.

Последняя группа статей охватывает тематику двусторонних отношений России с другими международными субъектами. Название этой части не соответствует содержанию, ибо, за исключением двух случаев, когда рассматриваются отношения с США и ФРГ, остальные авторы анализируют политику РФ в отношении целых регионов (Центральной Европы, Балкан, Ближнего Востока, Восточной Азии), только изредка выделяя некоторые государства. Таким образом возникает ошибочное впечатление, что правительство РФ проводило единую политику в отношении всех государств названных регионов. К сожалению, лишь некоторые авторы, как, например, пишущий о Ближнем Востоке Роберт О. Фридман или Иоахим Глаубиц, посвятивший статью Восточной Азии, пытаются передать сложность проблематики, различая деятельность России в отношении отдельных государств и тем самым отбрасывая слишком легко напрашивающиеся обобщения, касающиеся всего региона. Хотя и здесь следует задать вопрос, не заслуживала ли, например, такая важная из российской перспективы Китайская Народная Республика отдельного рассмотрения.

Все статьи представляют собой своеобразный учебник по российской внешней политике, по эволюции, которую она проходила в течение последнего десятилетия XX века. Выступления авторов группируются вокруг проблем, имеющих фундаментальное значение для деятельности России. Правда, некоторые сомнения может вызвать расстановка акцентов (раздел о США насчитывает 14 страниц, в то время как проблеме Ближнего Востока редакторы посвятили более 30 страниц),

однако в масштабе всей монографии это не кажется разительным недочетом. Кроме того, заметно, что события 11 сентября 2001 г. оказали влияние на форму книги. Некоторые авторы, как видно, из желания спасти свои работы от скорой деактуализации, смогли поместить в своих статьях короткие ссылки на новые условия, связанные с возникновением антитеррористической коалиции и американо-российским сближением. Возможно, следовало бы, однако, воздержаться от поспешных комментариев, тем более что в большинстве они имеют форму открытых вопросов, которые не только проблематизируют развитие международной ситуации, но и предварительный вывод автора. Кажется, что хватило бы отдельной статьи (впрочем, такая помещена в конце книги), анализирующей возможные последствия событий после террористических актов в США для российской политики. Несмотря на эти замечания, следует подчеркнуть, что рассматриваемая монография заслуживает внимания по нескольким причинам. Во-первых, она бросает свет на то, как немецкие эксперты воспринимают российскую внешнюю политику и ее будущее при президенте В. Путине. Во-вторых, данная книга представляет собой прекрасное собрание фактографических и аналитических знаний – что важно, однотомное – о переменах, которые происходили в этой области со времен Михаила Горбачева. В-третьих, оно верифицирует появляющееся ходовое мнение о внезапной переориентации внешней политики РФ, якобы имевшей место в последние два года. Книга тщательно указывает как те сферы, в которых новая российская администрация совершает старые ошибки, не делая выводов из прошлого, так и те, в которых происходят принципиальные изменения. Проблема неизменности и изменения представляет собой ось монографии, связывает отдельные статьи, придавая цельность всей работе.

Эрнст Выцишкевич

Dagmar Čierna-Lantayová: *Pohsady na východ (Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934-1944)*. Bratislava: Veda, 2002, 268 s.

Чехословацко-советские отношения первой половины XX века наконец начинают основательно исследоваться исто-

риками. Большинство работ на эту тему учитывает прежде всего перспективу Праги или чехословацкого руководства в эмиграции в период второй мировой войны. До сих пор не было монографии, которая широко представляла бы эту сложную проблематику с точки зрения словацкой политики. Попыткой частичного заполнения этой лакуны является книга словацкого историка Дагмар Черна-Лантайовой «Взгляды на Восток: позиции по отношению к России в словацкой политике 1934-1944 гг.», которая вышла в престижном издательстве Словацкой академии наук «Веда» в 2002 г.

Во введении автор декларирует, что работа посвящена формированию словацкой политической мысли в отношении СССР, «воспринимавшегося в Словакии как славянская держава Россия». Выбор хронологических рамок не обосновывается, однако десятилетие с 1934 по 1944 гг. можно с уверенностью считать необычайно сложным периодом в истории Словакии. На этом фоне комплексное исследование «взглядов на Восток» является чрезвычайно трудным. Д. Черна-Лантайова решилась на многомерный подход, учитывая в хронологическом освещении различные вариации и проявления словацкой политической мысли. При этом она не выделила явно ее течений и не уточнила рамок понятия. Однако книга в малой степени насыщена обращениями к философским и общеидеологическим содержаниям, сосредотачиваясь прежде всего на «практике» – общественном восприятии политических событий и остающихся с ними в непосредственной связи временными концепциями формирования политики по отношению к СССР.

Работа разделена на три части (не считал введения и заключения. Первая охватывает период, в который Словакия входила в состав Чехословакии (1934-1938), две последующие касаются времени существования словацкого государства, зависимого от Германии. Больше всего места (100 страниц) занимает вторая глава, посвященная 16 месяцам накануне начала германо-советской войны в 1941 г., гораздо меньше внимания (60 страниц) автор отводит рассмотрению трех следующих лет, что, к сожалению, соответствует качеству последней главы книги.

Первая часть монографии посвящена словацкой реакции на формирование отношений между Чехословакией и Советским Союзом. Автор напоминает традиционные русофильские настроения в словацком национальном движении,

которые в сопоставлении с информацией о советских реалиях вызвали беспокойство даже у левых. Он представляет также деятельность кругов, жизненно заинтересованных в переменах на Востоке, – коммунистов, которые старались «переориентировать» традиционное словацкое русофильство в симпатию к советской власти, а также их противников, в частности, Антикоммунистической лиги, образованной в 1928 г. Взгляды словацких левых интеллектуалов на Советский Союз автор рассматривает в качестве синдрома иллюзий, типичных для представителей европейской интеллигенции 30-х гг. Надежды на «постепенную демократизацию России», как «в чешских землях», так и в Словакии, укрепляло традиционное славянофильство. Иллюзии в отношении положительных перемен в России существовали в словацких организациях общегосударственных партий – прежде всего среди социал-демократов, а также в рядах правящей партии аграриев, сильной в Словакии. Автор, однако, подчеркивает, что проявления симпатии были адресованы больше «славянской России», чем Советскому Союзу.

После прихода в 1933 г. к власти Гитлера для многих чешских и словацких политиков Россия снова стала привлекательным противовесом германской экспансии. В атмосфере советско-французского сближения в июне 1934 г. были установлены дипломатические отношения между Чехословакией и СССР. Представления о постепенном «открытии России к Европе» были в Праге очень сильны, им поддались также словаки в рядах чехословацкой дипломатии. «Русофильская политика нам сейчас не повредит», – цитирует автор, в частности, слова посла в Париже Стефана Осуского, относившиеся к концу 1934 г. Хотя Москва и отвергала панславизм как «реакционную» идеологию, словацкие левые пришли к выводу, что по сути Россия изменилась и движется в традиционном направлении России «славянской».

Автор подробно анализирует публикации в печати, касающиеся установления дипломатических отношений с Москвой. Пресса является для него также главным источником для представления словацкого восприятия сближения Праги и Москвы и заключения в 1935 г. чехословацко-советского союза. В тогдашних комментариях словацких проправительственных органов проявлялся «прагматический» подход, переплетавшийся со «славянским аспектом», который является характерным элементом всех словацких рассуждений о России и СССР.

Автор, однако, подчеркивает, что неизменно критическое отношение к коммунизму и СССР сохраняла тогда самая крупная словацкая группировка – католическая, консервативная Глинкова словацкая народная партия (ГСНП). Это объединение не отделяло себя от славянофильских традиций словацкой политики, но на советскую систему в России смотрело как на власть террора над «братским народом».

В середине 30-х гг. «народники», критикуя восточную политику Праги, заняли позицию, подобную позиции чешских «народников» Кароля Крамаржа, которые восприняли заключение союза с большевиками как акт измены славянским идеалам. Автор цитирует многочисленные выступления одного из лидеров ГСНП Кароля Сидора, который утверждал, что преступная сущность советской системы неизменна, и обвинил правительство на сессии Палаты депутатов в том, что оно отдало страну в подчинение «большевикам». Сидор в своих размышлениях шел, однако, далее: будучи представителем полонофильского течения в ГСНП, он, в противовес «советофильской» линии правительства, предлагал Эдварду Бенешу «заместительную славянскую альтернативу в католической Польше». Автор не развивает этого мотива далее, но замечает, что линия Сидора не получила поддержки всей ГСНП.

В последующие годы отношение словацких политических группировок к восточной политике Праги выражалось в продолжении линии, намеченной дискурсом 1935 г. По сравнению со взглядами двадцатых годов, СССР перестал быть для словаков далекой экзотикой. Поддержкой государственных органов пользовалась деятельность братиславского филиала Общества содействия культурным и хозяйственным связям с СССР. Партнером его пражского центра было Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). Благодаря этому в Словакию попадали советские книги и журналы. Были популярны репортажи о путешествиях по СССР, рассказывавшие о постепенном улучшении жизни там. С другой стороны, с августа 1936 г. в Словакию доносились отголоски московских «общественных процессов». Об усиливавшемся терроре сообщали брошюры Антикоммунистической лиги, издававшиеся тиражом в несколько тысяч экземпляров. Информация с Востока вызывала беспокойство проправительственных и левых изданий. Все чаще на их страницах возникал вопрос о реальной ценности союза с тоталитарным госу-

дарством. Словацкие аграрии, социал-демократы и другие централистские группировки следили за ситуацией в СССР, сознавая, что недавние надежды, связанные с постепенной демократизацией Советского Союза, были напрасны. Несмотря на это, пражское правительство, во главе со словацким аграрием Миланом Ходжой, отстаивало концепцию союза с Францией и СССР как «проверенного инструмента мирной политики».

Активизация словацкого автономистского движения сопровождалась критикой чехословацкой внешней политики. Во время демонстраций, организованных ГСНП в Братиславе в июне 1938 г., доходило даже до сожжения советских флагов. В период, предшествовавший Мюнхенской конференции, в Словакии подчеркивалось, что официально продекларированная готовность СССР к соблюдению союзнических обязательств 1935 г. является лишь элементом пропагандистской кампании. В это время автор не отмечает просоветских настроений. После провозглашения автономии Словакии 6 октября 1938 г. коммунистическая партия была объявлена вне закона, а организации, занимавшиеся развитием связей с СССР, были распущены.

В работе Д. Черна-Лантайовой удивляет явный хронологический пропуск. Первая глава заканчивается упадком I Республики, вторая же открывается проблематикой установления Словакией, провозгласившей независимость 14 марта 1939 г., дипломатических отношений с другими странами. Период «постмюнхенской» Чехо-Словакии, когда в Братиславе функционировало автономное правительство и свой парламент, автором пропущен. Такое решение непонятно, тем более, что в этот период усилились антикоммунистические тенденции.

Вторая глава представляет собой подробную хронологию советско-словацких контактов до момента нападения Германии на СССР. Несмотря на ее название – «Дружественная Россия в представлении словацких политиков и возвращение к реальности (1939-1941)», от провозглашения независимости Словакии до первых признаков заявленной «дружбы» прошло несколько месяцев. Автор представляет обстоятельства возникновения государства, немецкий нажим и борьбу с венгерским ревизионизмом, амбиций которого в достаточной мере не сдерживала немецкая «защита». Вначале СССР формально не признал разделения Чехо-Словакии. В Москве

оставался чехословацкий посол Зденек Фирлингер, а правительство в Братиславе Наркоминделом игнорировалось.

Подводя итог восприятию словацким обществом СССР в конце тридцатых годов, автор приходит к сногшибательному выводу, что «убеждение левых интеллектуалов и народных масс в избавительном посланничестве социалистической державы» сопровождалось в более широком политическом дискурсе «осуждением репрессивных методов сталинского режима и страхом перед советским казарменным коммунизмом». Диагноз восприятия «народных масс» звучит не слишком убедительно. Даже из предыдущих выводов автора следует, что здесь можно говорить скорее о народном русофильстве, чем одобрении советской общественной системы, тем более что самая крупная «народная» группировка провозглашала совершенно иные тезисы.

Автор пишет также о «демагогическом» использовании бросающих в дрожь свидетельств советского террора правящими «народниками», целью которого было формирование положительных настроений по отношению к гитлеровскому тоталитаризму. Вне связи с оценкой трагического выбора, совершенного словацким руководством, – провозглашения независимости с согласия гитлеровской Германии, трудно считать «демагогией» правящей ГСНП ее верность антикоммунистической линии. Фактом, однако, является то, что, строя государственность с опорой на гитлеровскую Германию, власти подчеркивали, что союз с Германией уберезет Словакию от «большевистской анархии». В традиционно русофильском обществе использование такого тезиса требовало, однако, упорной пропагандистской работы. Выставка, посвященная преступлениям коммунизма, на открытии которой 22 марта 1939 г. присутствовали делегации Германии, Италии и Испании, должна была символизировать включение Словакии в антисоветский блок народов. В том же духе было выдержано *exposé* министра иностранных дел Фердинанда Дюрчанского, прозвучавшее в середине июня 1939 г. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что объявление 21 августа 1939 г. германо-советского пакта о ненападении было для Братиславы неожиданностью.

Словацкая печать размышляла о причинах «исторического поворота в отношениях между Москвой и Берлином», указывая, в частности, на антисемитский характер сталинских чисток. Подчеркивался «националистический курс» Сталина

и возвращение к великорусской практике во внешней политике, делающее возможным сотрудничество с III Рейхом. Германо-советский пакт был признан в Братиславе фактором, консолидирующим международную позицию страны. Вскоре словацкие войска вместе с гитлеровцами приняли участие в нападении на Польшу под лозунгом «возвращения» границы, существовавшей до 1920 г. на Спише, Ораве и в Чадецком регионе.

Словакия была стороной, инициировавшей установление дипломатических отношений с СССР. Посол Словакии в Берлине Матуш Чернак уже 14 сентября провел беседу с шефом советской миссии Александром Шкварцевым. Два дня спустя, а следовательно, еще до нападения СССР на Польшу, Шкварцев сообщил Чернаку, что его страна признала Словацкую Республику де-юре и де-факто и стремится установить с ней дипломатические отношения. В словацкой прессе появились сигналы ожидания того, что советские войска не остановятся на границе Подкарпатской Руси, занятой в марте 1939 г. Венгрией, а включают этот регион в состав Украинской ССР. На полях можно, однако, заметить, что из дневника советского посла в Лондоне Ивана Майского следует, что такое же пожелание выражал в то время Э. Бенеш². Вариант советской интервенции в Венгрию и общей словацко-советской границы, однако, был близок не только Э. Бенешу, он надолго поселился также в братиславских салонах.

Следствием пакта Молотова-Риббентропа была также переоценка отношения Москвы к чешскому и словацкому вопросу. Обстоятельства признания Словакии Советским Союзом автор представляет вслед за русским историком Валентиной Марьиной, которая связывает этот факт с процессом ликвидации советских представительств в Вене, Праге и в Варшаве. Открытие дипломатической миссии в Братиславе должно было обеспечить Москве более легкий доступ к информации о ситуации в Центральной Европе, хотя бы посредством тайных

---

² J. Němeček, *E. Beneš a Sovětský svaz 1939-1940* // „Slovanské historické studie“ (Pocta Henrykovi Batowskému), 1997, t. 23, s. 179-193; M.K. Kamiński, *Czy Edward Beneš mógł być dla Polski wiarygodnym partnerem?* // „Arcana”, 1997, nr 4 (16), s. 126-136; V.V. Marjinová, *K historii sovětsko-československých vztahů v letech 1938-1941. Nad deníkem Ivana Majského* // „Soudobé dějiny”, 1999, nr 4, s. 514-533.

контактов с коммунистами³. Отношения с Москвой иначе себе представляла Братислава. Ее ожидания удачно охарактеризовал советский посол Георгий Пушкин: «Словаки, вероятно, ожидают от нас больше, чем мы можем им предложить». Ибо их надежды выходили далеко за пределы ожиданий, связанных с экономическим сотрудничеством с СССР.

Интерес к Востоку формально имел, главным образом, экономический характер. Об этом свидетельствовала личность первого словацкого посла в Москве. Это был Франьо Тисо – дальний родственник президента, человек, происходивший из хозяйственных кругов. В смелых планах словаков Дунай и братиславский порт должны были играть существенную роль в торговле между СССР и Западной Европой. Выступления президента о. Йозефа Тисо выходили, однако, за рамки экономики – глава государства в октябрьском обращении к народу выразил стремление к тому, чтобы Словакия из «буферной» страны превратилась в мост между Востоком и Западом, «миром германским и славянским». Демонстрацией теплых отношений был курьезный обмен телеграммами между Молотовым и Дюрчанским по случаю 22-й годовщины октябрьской революции.

Хотя до ноября 1939 г. Словакию признало 21 государство, едва лишь половина из них имела в Братиславе свои представительства. Открытие советской миссии было для Словакии престижным делом. Д. Черна-Лантайова довольно подробно рассматривает проблему отправки словацкого посла в Москву и приезда посла Г. Пушкина в Братиславу (декабрь 1939 г.). Образное воспроизведение атмосферы первых контактов и поворота в официальной пропаганде Братиславы представляет собой вступление к одному из интереснейших разделов истории дипломатии словацкого государства.

Отношения с Москвой Братислава установила при посредничестве Берлина, и это в буквальном смысле. Словацкие дипломаты ездили в Москву через столицу Германии и балтийские страны. Германия знала о шагах своего вассала, внешняя политика которого, согласно идее германо-словацкого «охранного пакта», была подчинена Рейху. Без согласия Берлина Словакия не могла устанавливать дипломатические отношения и заключать международные договоры. Несмотря

³ V.V. Marjinová, „Brána na Balkán“. Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Nemecka v letech 1939-1941 // „Soudobé dejiny“, 1994, nr 6, s. 827-846.

на это, шеф словацкой дипломатии Фердинанд Дюрчански начал рассматривать возможность уравновесить немецкое влияние в Словакии укреплением связей с СССР. Дюрчански еще недавно принадлежал к радикально сепаратистскому, прогерманскому течению ГСНП и провозглашал антисоветские лозунги. Привлеченные автором записки посла Г. Пушкина, сделанные им во время бесед с Дюрчанским, представляют собой интересный материал, который помогает понять образ мышления этого амбициозного, несколько наивного политика.

Автор подчеркивает, что на развитие контактов с Москвой большое влияние оказывала атмосфера венгерско-словацких споров. Эта напряженность усиливала чувство нестабильности международного положения словацкого государства. Компенсировать ее должны были связи со «славянской» державой, в начале 1940 г. называемого словацкими средствами массовой информации «дружественной Россией». Параллельно все чаще появлялись требования пересмотра постановлений Венского арбитража, отдающих южную часть страны Венгрии. После занятия Советским Союзом Бессарабии и северной Буковины в Братиславе снова появилась надежда, что Советы пойдут дальше, отобрав у Венгрии Подкарпатскую Русь. Из дневника посла Г. Пушкина следует, что выдержанные в таком духе слова «поддержки» Москве принадлежали Дюрчанскому. Хорошие отношения с СССР должны были уравновесить германское влияние в Словакии, а в будущем помочь обрести территории, захваченные Венгрией, и защитить Братиславу от ревизионизма с юга.

Словацко-советскую дружбу подчеркивало развитие культурных связей. В монографии подробно рассмотрены визиты представителей академических кругов. В январе 1940 г. на торжественное открытие Словацкого университета в Братиславу прибыла делегация профессоров под руководством председателя Всесоюзного совета по высшему образованию С. В. Кафтанова. С ответным визитом на майский юбилей Московского университета отправилась словацкая делегация, возглавляемая министром просвещения Йозефом Сиваком. Это не ускользнуло от внимания германской и венгерской дипломатии, тем более что Сивак принял Молотов. Славянофильские выступления Сивака в Москве для обвинения словаков в «панславизме» использовали венгры. В это время немцы уже начали явно дисциплинировать словаков, из

печати постепенно исчезли пассажи о «славянской России». Период относительной независимости словацкой политики закончился вместе с поражением Франции. В тихой борьбе между сторонниками более независимого курса и прогерманскими радикалами из круга Войтеха Туки верх брали последние.

Немцы и их сторонники постепенно собирали «перечень грехов» группы Дюрчанского. Чрезмерная близость в отношениях с Москвой тоже бросалась в глаза, но его судьбу решили попытки установления торговых связей с западными державами и демонстрация «нейтральности». Переговоры президента Тисо и премьера Туки с Гитлером 28 июля 1940 г. в Зальцбурге положила начало перелому во внешних отношениях. Президент Словакии был принужден к кадровым заменам в правительстве в пользу радикалов. Дюрчански был отозван с поста министра иностранных дел, отодвинут от принятия решений в ГСНП и отдан под полицейский надзор. Во главе дипломатии встал непопулярный премьер Тука. Из прагматических соображений Германия не решилась на устранение консервативного Тисо, а система власти по-прежнему имела много черт, которые по сравнению с диктатурами фашистского типа производили впечатление «умеренности». Переговоры в Зальцбурге, однако, перечеркнули словацкие иллюзии о независимости. Это отразилось и на амбициозных планах экономического сотрудничества с СССР, которым в монографии посвящен особый раздел. Подробные переговоры закончились подписанием в декабре 1940 г. договора о торговле и судоходстве, но большинство ожиданий словацких экономистов осталось в сфере теоретических рассуждений.

Словацкая дипломатия, руководимая пронемецким Тукой, особой активности в отношениях с Москвой не демонстрировала. Тука подчеркивал, что Словакия принадлежит к зоне «национального социализма» и осуждал любые «всеславянские» акценты как скрытую коммунистическую агитацию. Пропаганда должна была придерживаться шизофренической схемы, в рамках которой коммунизм был системой, соответствующей интересам союзнической России, но одновременно губительным для стран Западной Европы.

Изображая советско-словацкие дипломатические отношения, автор использовал собрания словацкого и чехословацкого отделов из Архива внешней политики Российской Федерации

и переписку словацкого центра с посольством в Москве, хранящуюся в Словацком национальном архиве. Значение последней невелико, так как в ней отсутствуют какие бы то ни было попытки анализа советской политики в отношении Словакии. Д. Черна-Лантайова решила, однако, представить много подробностей, связанных с проблематикой функционирования миссии в Москве. Они не дают ничего нового для понимания проблемы отношения словацкой политической мысли к России, но как бы мимоходом бросают свет на другие интересные проблемы. Автор представляет, в частности, ходатайство посла Франьо Тисо об освобождении из Козельского лагеря своего друга, бывшего польского консула в Братиславе Вацлава Лациньского. После нескольких месяцев хлопот и отправки в мае 1941 г. специального письма по этому вопросу В. Молотову В. Лациньскому разрешили выехать на Ближний Восток⁴. Автор не упомянул, однако, что в это время последние транспорты заключенных из Козельска отправлялись в Катынь, так что, возможно, словацкий дипломат спас В. Лациньскому жизнь.

Другим сложным делом, которым в течение долгого времени занималась словацкая миссия в Москве, был обмен пленными. С одной стороны, речь шла о немногочисленных пленниках, взятых на присоединенных к Словакии горных окраинах Польши, с другой – о происходящих с территорий, оккупированных Советами, польских солдатах, которые во время побега из венгерских мест интернирования были задержаны в Словакии. Автор, однако, неточно пишет о лицах, «эмигрировавших в Словакию во время вооруженной интервенции в 1939 г. с польской территории», хотя эта тема уже была разработана⁵.

В оценке значения, которое Москва придавала связям с Братиславой до нападения Германии на СССР, Д. Черна-Лантайова не выходит за рамки констатаций В. В. Марьиной.

---

⁴ Советник Политико-экономического отдела польского МИДа В. Лациньски был арестован в Кременце 28.IX.1939 г. и содержался в тюрьмах Шепетовки, Козельска, и Павлицев Боже, Грязевца и на Лубянке. Впоследствии был руководителем Бюро помощи гражданскому населению в Иране (1942) и работал в консульстве в Найроби (1942-1944). См.: *Polska służba zagraniczna po 1 września 1939 r.* Londyn 1954, s. 85, 114. Ср.: К. Krzyżanowska, *Szluczona porcelana // Przed Wrześniem i po Wrześniu. Ze wspomnień młodych dyplomatów II Rzeczypospolitej*, Warszawa 1998, s. 154.

⁵ Ср.: О. Pejs, *Polští zajatci z války německo-polské na Slovensku // „Vojenská história“*, 1999, nr 1, s. 20-36.

Словацкие коммунисты, правда, рассчитывали на то, что при удобном случае Москва захочет заменить Берлин в роли покровителя, но из книги не следует, чтобы советское руководство связывало в то время со Словакией какие-то далеко идущие цели. Повышенная активность советской дипломатии в Словакии была бы слишком рискованной для дружбы с Германией. Автор упустил из виду важный документ, на который обращает внимание чешский историк Ян Рыхлик. Это резолюция московского руководства Коммунистической партии Чехословакии от 17 мая 1941 г., несомненно отражающая интересы советской внешней политики. В ней сказано, что «словацкий народ должен добиться отмены всех унижительных обязательств в отношении Германского рейха», что позволит ему «свободно определять собственную внешнюю политику» и заключить договор о дружбе с СССР⁶. Внешнюю политику Москвы нельзя отделить от деятельности коммунистического движения, и, вероятно, сознание этой связи было распространено в тогдашней Словакии. Поэтому лишь скрупулезный пересказ документов МИДа иногда оставляет некоторую неудовлетворенность.

В книге мы не находим характеристики словацкого дипломатического корпуса, между тем с точки зрения тогдашнего режима он был исключительно несубординирован. Многие его представители сотрудничали с эмиграцией и странами антигитлеровской коалиции (напр., К. Сидор в Ватикане, Ян Списяк в Будапеште). Однако автор не выразил своего отношения к информации, помещенной в известной монографии о словацком подполье, о том, что секретарь посольства в Москве Гейза Крно уже в СССР установил контакт с представителями чехословацкой эмиграции (в частности, с подполковником Людвиком Свободой) и до конца войны активно сотрудничал с сопротивлением⁷.

Другой проблемой, которая заслуживает, возможно, отдельного рассмотрения, является роль русской «белой» эмиграции в формировании взглядов словаков на советскую действительность. Автор, правда, отмечает, что основание Антикоммунистической лиги было связано с деятельностью русских

⁶ J. Rychlík, *Postoj SSSR k myšlenke samostatného Slovenska za druhé svetové války* // „Slovanské historické studie“ (Pocta Henrykovi Batowskému), 1997, t. 23, s. 200.

⁷ См.: J. Jablonický, *Z ilegality do povstania (Kapitoly z občianskeho odboja)*. Bratislava 1969, s. 79 n.

эмигрантов, однако, учитывая роль, которую на карте русской (и украинской) эмиграции играла до войны Чехословакия, проблема требовала бы более широкого освещения. Автор отметил нервную реакцию советского посольства и московского центра, озабоченных активностью эмигрантских кругов и присутствием «белых» в словацком МИДе, но подробнее эту тему не исследует.

Высказанные замечания не преуменьшают, однако, факта, что глава написана вдумчиво и вводит в научный обиход много интересной информации. К сожалению, хуже на этом фоне выглядит последняя часть книги. Автор представляет обстоятельства вступления Словакии в войну на стороне Германии 24 июня 1941 г. и соперничество с Будапештом за благосклонность Берлина. Судьбы сотрудников обоих дипломатических представительств, ликвидация которых не обошлась без инцидентов, очень интересны. В Братиславе на здание посольства было совершено нападение, словацкие же дипломаты лишь после нескольких недель неприкаянности попали на турецко-болгарскую границу, где произошел обмен членами миссии. Более существенны, однако, сообщения с фронта, где рядом с немецкой армией воевали словацкие подразделения. Автор их не анализирует и бездумно повторяет общий тезис официальной послевоенной историографии о росте русофильских настроений в обществе.

Характерно, что по предложению германской военной миссии в Братиславе официальная пропаганда в армии немедленно была направлена «не против русских, а против большевиков». По мнению автора, словацкий взгляд на Россию с лета 1941 г. содержал очень мало «реалистических элементов». Между тем тогдашняя пропаганда имела в своем распоряжении огромное количество бросающих в дрожь фотографий и свидетельств словацких солдат, которые собственными глазами видели жертвы террора НКВД. Количество людей, убитых в первые дни войны в тюрьмах и во время «маршей смерти», историки оценивают в 20-30 тысяч⁸. Трагедию на советской Украине словацкая пропаганда, подобно немецкой, использовала для антисемитских гонений. В пре-

---

⁸ См.: *Drogi śmierci. Ewakuacja więźniów sowieckich z Kresów Wschodnich II Rzeczypospolitej w czerwcu i lipcu 1941*, red. K. Popiński, A. Kokurin i A. Gurjanow, Warszawa 1995. Ср.: B. Musiał, „Kontrevolutionäre Elemente sind zu erschossen“. *Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941*, Berlin-München 2000 (польское издание – 2001).

ступлениях НКВД обвинялись евреи. Это, впрочем, соответствовало пропагандистскому заявлению президента Тисо, сделанному намного раньше, согласно которому «большевик не является славянином». Даже беглое знакомство с передовыми статьями тогдашней словацкой прессы показывает, что материалы, касающиеся этих преступлений, были настоящим «подарком», который советская сторона сделала не только Геббельсу, но и пропаганде сателлитов Рейха.

Имели значение также контакты словаков с жителями Западной Украины, которые приветствовали вступающие войска как освободителей. На этой территории в начале войны побывало 50 тысяч словацких солдат. Их воспоминания и работы молодых историков, изданные после 1989 г., свидетельствуют о том, что под влиянием столкновения с реалиями советской оккупации моральный дух армии вырос, и лишь после крупных поражений на восточном фронте можно было говорить о панических настроениях и дезертирстве⁹. Армия на фронте не была совершенно изолированной социальной группой – за ней шли представители средств массовой информации. Образ советской России в официальной словацкой пропаганде и ее реальный общественный масштаб требуют дальнейшего изучения.

О пропагандистском значении, которое следам советского террора придавали власти Братиславы, возможно, свидетельствует хотя бы принудительная экскурсия на Украину, устроенная летом 1941 г. для группы коммунистических интеллектуалов, среди которых был, в частности, будущий президент Чехословакии Густав Гусак. К сожалению, автор не сумел раскрыть смысл этого «необычного эксперимента» и в этом ему не помогли свидетельства Гусака, относящиеся к 1944 г. Наиболее удивительно то, что в книге опущена проблема катыньской трагедии. Членом международной врачебной комиссии, которая была создана немцами в апреле 1943 г. для изучения обстоятельств смерти польских офицеров в Катыни, был Франтишек Шубик, профессор патологии, шеф словацкого здравоохранения и одновременно один из наиболее ценимых словацких поэтов (литературный псевдоним – Андрей Жарнов). Комиссия, в соответствии с действительностью, признала, что преступление было совершено весной

---

⁹ Из последних публикаций: M. Lacko, *Armia słowacka we wschodniej Polsce w 1941 roku* // „Pamięć i Sprawiedliwość”, 2003, nr 1 (3), s. 217 - 234.

1940 г., когда данная территория была под контролем СССР. По возвращении в Словакию Шубик выступил с сообщением «Правда о катыньском лесе», опубликованном в печати¹⁰. Словацкие реакции на Катынь уже исследованы, но, принимая во внимание место, которое занимает это преступление в исследованиях, касающихся настроений в Протекторате Чехии и Моравии, невозможно оправдать полного умолчания этой проблемы в книге Д. Черна-Лантайовой¹¹.

Автор намечает другие проблемы, связанные с ведением войны со «славянской державой». Для культурной политики государства была хлопотной классика словацкой литературы, полная славянофильских идей. Несмотря на это, общегосударства культурно-просветительская организация «Матица Словенска» (Мать словацкая) издала в то время книги таких русофилов, как Светозар Гурбан Ваянски, было подготовлено к изданию произведение, важное также для русского панславизма, – «Славянство и мир будущего» Людовита Штура. Автор не стал тщательно изучать философские и исторические работы, появившиеся в то время в кругу «Матицы Словенской», и даже главные идеологические работы, касающиеся характера и истории словацкой государственности (Штефана Полаковича, Ф. Дюрчанского). Тем не менее, он образно представляет картину шизофренической политики государства в отношении России, из которой следует, что в словацких условиях осуждение СССР при уважении симпатии к «русскому брату» не могло надолго найти общественного понимания. Перед лицом изменяющейся ситуации на восточном фронте, под влиянием свидетельств о немецких преступлениях в Словакии росли настроения как пророссийские, так и просоветские. Их использовали прежде всего коммунисты, особенно во время Словацкого национального восстания, начавшегося 29 августа 1944 г.

Д. Черна-Лантайова предупредила, что целью ее работы был не «комплексный охват событий бурного десятилетия», а «представление малоизвестных и нерешенных проблем». В сущности, ей удалось, однако, довольно образно очертить широкий спектр проблем, связанных с восприятием России в

¹⁰ См., напр.: „Gardista“ 11.05.1943; „Slovenska pravda“ 12.05.1943.

¹¹ См., напр.: M. Borák, *Zločin v Katyni a jeho české a slovenské souvislosti // Evropa mezi Německem a Ruskem. Sborník prací k sedmdesátinám Jaroslava Valenty*, Praha 2000, s. 505-522. Ср.: T. Brod, *Osudný omyl Edvarda Beneše. Československá cesta do sovětského područí 1939-1948*, Praha 2002, s. .

словацкой политической мысли, не исключая голосов ее тогдашних представителей в эмиграции (в частности, Милана Ходжи и Петера Придавека). С 1944 г. судьба Словакии в течение более сорока лет зависела именно от Москвы. Автор, однако, не вполне воспользовался возможностью освещения проблем, которые в то время были специально скрываемы и фальсифицируемы. Не использована также историческая литература до 1989 г. Приложенная библиография имеет, к сожалению, выборочный характер. Жаль также, что издатель не позаботился о русском резюме. При всех высказанных замечаниях монография, несомненно, представляет собой шаг вперед на пути изучения сложного фрагмента словацкой истории и политической мысли. Поскольку данная тема вообще стала возможна для исследования лишь немногим более десяти лет назад, эта книга будет наверняка представлять собой исходную точку для дальнейшей работы историков и политологов.

Матеуш Гняздовски

Krzysztof Kowalski, *Europa: mity, modele, symbole*, Międzynarodowe Centrum Kultury, Kraków 2002, 296 s.

Книга Кшиштофа Ковальского, молодого этнолога из Ягеллонского университета (Краков), поднимает очень необычную и скорее всего редко затрагиваемую проблематику символики Европейского Союза и ее религиозных корней. Автор показывает, например, связь между идеей объединения Европы и теологией. Он оперирует понятиями из культурной антропологии и философии, подкрепляя свои наблюдения данными вспомогательных исторических дисциплин: геральдики, а особенно вексилологии, отводя много места проблеме европейского флага. Однако основную тематическую сферу этой работы можно определить как этнографию европейских институтов.

Кшиштоф Ковальски, работая над этой книгой, провел много времени за изучением источников в архивах Совета Европы и Европейской комиссии, архиве Дени де Ружмона в швейцарском Нойшателе и архиве Страсбургского архиепископата. Положительные результаты его поисков заметны, они

дали возможность тщательно показать сложность проблематики европейских символов и мифов.

Книга состоит из трех частей. В первой из них (*Mityczne wymiary zjednoczenia europejskiego*¹²) автор анализирует состояние антропологических исследований в области европейских институтов. Он рассматривает результаты работ Марка Абея и Ирен Бейе, посвященных Европейскому парламенту и Европейской комиссии. Данные авторы сконцентрировались на выявлении феномена европейской культуры, которая возникла в евросоюзных институтах. Это не общеевропейская культура, а скорее некая суженная форма, культура института, являющаяся продуктом управления и политики. Отличительной чертой этой как бы новой цивилизации является сосуществование многих языков и национальных культур в функционировании европейских институтов. Это превращается в европейский культурный компромисс, впрочем, совершенно отсутствующий за пределами «брюссельской бюрократической машины». К. Ковальски останавливается также на теории двух других авторов: Касториадиса и Дурана, которые исследовали процесс строительства символического пространства института. Вслед за ними он воспроизводит далее несколько метафорических моделей в дискурсе европейских институтов.

Несомненно наиболее интересные фрагменты этой части книги касаются политических мифов и мифологии. В истории Европы можно выделить несколько великих мифологических тем, проходящих через все развитие политической мысли, – таких, как теория вражеского заговора, имеющего целью господство над миром, или идея потерянного рая, золотого века, возвращение к которому возможно путем революции. Кшиштоф Ковальски в своих размышлениях исходит из классической дефиниции мифа, принадлежащей Мирча Элиаде. Для него миф – священное предание. Поэтому у истоков мифа стоят сверхъестественные силы. К. Ковальски концентрируется на проблематике мифа, потому что, как сам объясняет, понятие мифа «очень помогает при анализе таких явлений, как пространство смысла европейских институтов, механизмы их символизации, процессы моделирования действительности с использованием относительно устойчивой группы образов». Следовательно, миф, согласно К. Ковальскому, функциони-

---

¹² Мифические аспекты европейского объединения.

рует как способ моделирования действительности и придания ей смысла с помощью образов. Автора прежде всего интересуют мифические структуры в политических концепциях. Политический миф играет очень важную роль в процессе объединения Европы. В основе создания нынешнего Европейского Союза лежит глубоко мистическое видение строительства нового будущего для континента, сильно разрушенного войной. «Отцы» Европейского Сообщества, в особенности Конрад Аденауэр и Роберт Шуман, стремились строить объединенную Европу, опираясь на ценности и, таким образом, символы христианские.

Вторая часть книги, названная *Metaforyczne modele dyskursu europejskiego*¹³, представляется ключевой. Автор анализирует в ней взгляды «отцов» объединенной Европы: Роберта Шумана, Жана Монне и Жака Делора. Прежде же всего он подвергает подробной критике политическую мысль одного из главных творцов идейных оснований объединенной Европы, ныне уже несколько забытого швейцарского философа Дени де Ружмона. Как он сам признает, три остальных мыслителя-политика представляют собой лишь фон для изучения теории Ружмона.

Метафорическая модель в творчестве Дени де Ружмона возникла под влиянием персонализма 30-х годов, Киркгаарда, а в особенности мысли протестантского теолога Карла Барта. Дени де Ружмон был также протестантом, сыном пастора и при этом лично человеком глубоко религиозным. Как подчеркивает К. Ковальски, по мнению Д. де Ружмона, Европа является архитектурным сооружением, которое можно было бы сравнить с собором. Она представляет собой мистическое тело Христово. В свое видение федеративной Европы философ вплетает даже догмат о Святой Троице. Дени де Ружмона называют теологом европейского единства.

Самая обширная, третья часть книги объясняет европейские символы – флаг и гимн, а также рассматривает подробную историю их возникновения. Дискуссии о европейской символике начались уже в момент созыва Совета Европы в 1946 г. и продолжались вплоть до 1955 г., когда после многочисленных дебатов, конкурсов и в результате работы созданных с этой целью комиссий был установлен нынешний вид европейского флага: двенадцать звезд на голубом фоне. Согласно официальной интерпретации, они должны символизировать

¹³ Метафорические модели европейского дискурса.

ровать столицы европейских государств. Но уже в 1955 г. в состав Совета Европы входило не двенадцать, а четырнадцать стран, а также округ Саари, который в то время был еще французской оккупационной зоной в Германии.

Следует подчеркнуть, что Европейское Сообщество приняло этот символ лишь в 1986 г. Существует особого рода интерпретация символики европейского флага, очень живучая в 50-е гг., которая имеет в основе религиозный мотив. Она связана с одним из видений Откровения Иоанна Богослова, образом короны с двенадцатью звездами, венчающей голову Матери Божьей. Как другие поразительные совпадения европейской символики с культом Девы Марии указываются голубой цвет и учреждение флага в день праздника Непорочного Зачатия. Совет Европы сам имел отношение к распространению данной интерпретации, оплатив в 1956 г. создание витража в Страсбургском соборе, заменившего уничтоженный в 1944 г. в результате бомбардировок. Мать Божья на этом европейском витраже представлена на троне с Младенцем, а над ее головой развернут европейский флаг с двенадцатью звездами. Все это повлияло на распространение культа Девы Марии как покровительницы объединяющейся Европы. Кшиштоф Ковальски обращает также внимание на изображение Европейской Богородицы, появившееся в часовне в аэропорту Брюсселя. Скульптура Пресвятой Девы Марии находится прямо на фоне развернутого европейского флага. Все это указывает на жизненность контекста Богородицы в европейской символике.

Книга обильно снабжена примечаниями и внушительных размеров библиографией, включающей как литературу, так и источники. В приложениях даны репродукции некоторых важнейших источников и многочисленные цветные и черно-белые фотографии. Автор поместил здесь, например, фотокопию текста и партитуры европейского гимна, снимок европейского витража из Страсбургского собора и часовни Брюссельского аэропорта. В конце книги находится обширное резюме на английском языке.

Следует признать, что эта книга непроста для чтения. Она написана слишком специальным языком. Однако знакомство с ней позволяет понять европейскую символику, несмотря на многозначность последней. Читателю, например, трудно ответить на вопрос, что означают двенадцать звезд на флаге Европейского Союза: двенадцать подвигов Геракла, двенадцать

апостолов, двенадцать знаков зодиака или они выросли на почве культа Пресвятой Девы Марии? Как подсказывает автор, каждый вправе это интерпретировать свободно. Однако он утверждает, что именно культ Богородицы мог вдохновлять создателей европейских символов. Это неофициальная и, как пишет сам автор, «апокрифическая» интерпретация. Одновременно показанные К. Ковальским трудные и многосторонние дискуссии, сопровождавшие создание символики, сами по себе символизируют суть процесса европейской интеграции, каковой несомненно является принятие решений на основе компромисса при широко развернутом диалоге.

Иоанна Ходор

Marek Š astný (ed.), *Visegrad Countries in an Enlarged Trans-Atlantic Community*, Institute for Public Affairs, Bratislava 2002, 221 s.
Jiří Vykoukal a kol., *Visegrád – možnosti a meze středoevropské spolupráce*, Dokořán, Praha 2003, 405 s.

Немногие регионы в Европе могут похвалиться столь богатой историей интеграционных действий, как Центральная Европа, и в то же время на старом континенте трудно найти другой такой регион, который столь часто подвергался бы внутренней дезинтеграции. Как это ни парадоксально, в современной истории наиболее прочными оказались те формы интеграции, освободиться от которых стремились народы, заселяющие эту территорию, чтобы начать самостоятельно определять и реализовать свои интересы (габсбургская монархия), или от которых отказывались в силу их жестокой и навязанной извне системы правления (т. н. соцлагерь).

Одним из следствий данного состояния был и продолжает быть большой диапазон в трактовке самого термина «Центральная Европа». Очень часто это понятие являлось элементом высоких теорий, которые имели ограниченное влияние на реальную ситуацию в регионе. С другой стороны, понятием «Центральная Европа» пользовались для дефиниции навязываемого извне сотрудничества в какой-то конкретной сфере, что, однако, не было и не может быть фундаментом, на котором можно строить глубокие и долгосрочные отношения.

Поэтому среди традиций этого региона трудно было бы назвать примеры сотрудничества, которое сочетало бы два начала – духовное и прагматичное – и одновременно приносило бы конкретные результаты.

Спустя несколько лет после того как Польша, Чешская Республика и Венгрия стали членами Североатлантического союза и незадолго до интеграции всех четырех государств Центральной Европы в Европейский Союз рождается вопрос относительно будущего наиболее известной интеграционной структуры, которая функционирует в этом регионе, т. е. Вышеградской группы. Речь идет прежде всего о том, войдет ли вышеградское сотрудничество в историю как очередной, кратковременный эпизод в судьбах Центральной Европы, или же в измененной обстановке оно оправдывает свою целесообразность и окажется столь же прочным, как, например, экономический союз Бенилюкса или некоторые формы сотрудничества северных государств.

Одной из немногочисленных попыток дать объективный ответ на этот непростой вопрос является публикация *Visegrad Countries in an Enlarged Trans-Atlantic Community*, подготовленная и изданная в Институте общественных отношений в Братиславе (Inštitút pre verejné otázky – IVO) при активном участии других аналитических центров из стран Центральной Европы. Хотя ее авторы не сосредотачивают своего внимания на будущем вышеградского сотрудничества, но в то же время они пытаются определить его место в контексте проходящих параллельно и взаимообусловленных процессов расширения НАТО и Европейского Союза. Такая оптика создает возможность уловить существо, смысл и, следовательно, перспективы вышеградского сотрудничества в изменяющихся условиях. Ибо не подлежит сомнению, что процесс европейской интеграции и изменения, происходящие в Североатлантическом альянсе, будут иметь решающее значение для будущего этого сотрудничества, исходные цели которого в большой степени уже реализованы.

Следует напомнить, что в момент своего возникновения в 1991 г. Вышеградская группа должна была быть инструментом реализации двух основополагающих целей:

- первая преследовала развитие мультилатерального сотрудничества в регионе Центральной Европы и построение добрососедских билатеральных отношений после почти полу-

векового периода функционирования внутри тоталитарной системы,

- вторая декларировала взаимную поддержку в процессе интеграции в Европейский Союз и НАТО.

Нетрудно заметить, что большая часть из намеченных целей уже достигнута, но возникает вопрос, какой будет *raison d'être* вышеградского сотрудничества, когда все участвующие в нем страны станут членами Европейского Союза и НАТО?

В свете опыта, приобретенного благодаря полемике на тему «старой» и «новой» Европы, а также упреков в адрес некоторых государств Центральной Европы, что они якобы не в состоянии освободиться от собственной тени, коль скоро – по мнению некоторых – навязанную им лояльность одному гегемону (добровольно) сменили привязанностью к другому, работа братиславского института может быть полезной для разъяснения позиций, занимаемых вышеградскими странами в дискуссии на тему будущего трансатлантических отношений.

Несмотря на то, что девять авторов этой состоящей из восьми глав работы (одна глава написана двумя авторами) рассматривают место Вышеградской группы в трансатлантическом сотрудничестве с разных точек зрения, однако все они затрагивают две проблемы, имеющие принципиальное значение. Первая – это будущее вышеградского сотрудничества в расширенной Европе и НАТО, а в связи с этим также возможности или ограничение ее существования после 1 мая 2004 г. Вторая, проступающая в текстах всех авторов, касается будущей формы и направлений внешней политики вышеградских стран после их вступления в ЕС.

Тезис, содержащийся в известном изречении, что «точка зрения зависит от точки сидения», находит свое полное подтверждение в ходе дискуссии о том, каким должно быть вышеградское сотрудничество в будущем. В ней легко обнаруживаются две точки зрения: первую следовало бы назвать оптимистической, вторую – скептической. В рецензируемой книге приводятся аргументы представителей этих двух образов мышления о будущем Вышеградской группы. Оптимистически настроенные авторы подчеркивают специфический характер Центральной Европы, а также сходство судеб и проблем составляющих ее государств, отмечая при этом пользу, исходящую из регионального сотрудничества, и уже достигнутые результаты. По их мнению, Вышеградская группа со временем уподобится Бенилюксу или выработает собственные

формы более тесного сотрудничества в рамках Европейского Союза. К авторам, которые в рассматриваемой работе придерживаются такой точки зрения, относятся Павол Лукач из Словацкой ассоциации внешней политики (SFPA), Ольга Дьярфаш из братиславского центра (IVO), а также Мартин Брусис из мюнхенского Центра политических исследований и Гюнтер Хаузер из Национальной академии обороны Австрии.

Словацкие авторы анализируют роль истории и идентитета в процессе формирования трансатлантических отношений, а также влияние этих двух факторов в отношении вышеградского сотрудничества. Согласно их мнению, страны Центральной Европы должны по-новому определить свою роль в изменяющихся условиях, так как это является залогом обретения ими адекватного места в процессе европейской интеграции и международной глобализации. В свою очередь, М. Брусис в подробном анализе перспектив вышеградского сотрудничества представляет также подход Европейского Союза к региональному сотрудничеству, как в рамках самого ЕС, так и за его пределами. Он придерживается мнения, что – имея в виду форму задуманной институциональной реформы и, особенно, правил голосования и полномочий Европейского совета – по всей вероятности Евросоюз и впредь, также после его расширения за счет образующих ее государств, будет поощрять сотрудничество в рамках Вышеградской группы. Г. Хаузер ставит в центр своего внимания позицию Австрии в регионе, причем, как он полагает, Австрия является страной, которая и сегодня продолжает испытывать влияние многоликих шансов, угроз и возможностей, выступающих в Центральной Европе. Более того, он подробно рассматривает все регионы, в которых в рамках расширенного ЕС могло бы развиваться тесное сотрудничество Австрии и стран Вышеградской группы. Одновременно он подчеркивает значение региона Центральной Европы для геополитической роли Австрии.

К авторам, оптимистически настроенным к проблеме будущего вышеградского сотрудничества, следует отнести также шефа Представительства ЕС в Братиславе Эрика ван дер Линдена, который в кратком примечании издательства на последней странице обложки выражает глубокое убеждение в целесообразности сохранения Группы после 2004 г. Его слова иллюстрируют влияние «внешнего фактора» на развитие сотрудничества в Центральной Европе, о чем упоминают также П. Лукач, О. Дьярфаш и Г. Хаузер. Их анализ истории

вышеградского сотрудничества показывает, что даже в период своего наиболее серьезного кризиса после 1993 г. оно неизменно пользовалось поддержкой государств Западной Европы и США. С другой стороны, в дискуссии на тему будущего Вышеградской группы также значительно легче строить оптимистические прогнозы политикам и наблюдателям, происходящим из стран ЕС. В самих же заинтересованных странах господствует в этом отношении гораздо большая сдержанность.

Существует и обратная, более темная сторона медали, на которую указывают наблюдатели, настроенные более скептически. По их мнению, Вышеградская группа – это только одна из многих форм регионального сотрудничества, причем созданная *ad hoc*, а ее будущее – если вообще можно о нем говорить – будет зависеть от того, окажется ли данное сотрудничество полезным при реализации индивидуальных национальных интересов в рамках ЕС. Общность исторического опыта и отчасти также общий для «вышеградских стран» культурный идентитет могут оказаться недостаточными для сохранения единства в расширенном Европейском Союзе. Эти два фактора имели существенное значение в первые годы после провала коммунистической системы, когда самой главной проблемой было упразднение ее остатков, прежде всего СЭВ и Варшавского договора. Вышеградское сотрудничество сыграло также немаловажную роль в выработке общей позиции в отношении таких проблем, как распад Советского Союза и возникший конфликт на Балканском полуострове. Очень скоро, однако, оказалось, что то, что соединяло страны Центральной Европы в плане устранения остатков коммунистической системы, было недостаточно сильным для координации действий, предпринимаемых в процессе интеграции в европейские и трансатлантические структуры.

История сотрудничества в рамках Вышеградской группы однозначно доказывает, что фактором, который определял ее форму и динамику, всегда было то, как политические элиты в отдельных странах Группы постигали пользу от этого сотрудничества с точки зрения главных целей их внешней политики. Следует предполагать, что после вступления вышеградских стран в ЕС фактором, формирующим их взаимоотношения, а также готовность к более тесному сотрудничеству, будет расклад сил на политической карте расширенного Евросоюза.

В этом отношении особенно интересным представляется анализ Петра Друлака из пражского Института междуна-

родных отношений, который является автором главы «Когда региональное сотрудничество имеет смысл?» (*When does regional cooperation makes sens?*). И хотя П. Друлак считает себя оптимистом относительно вышеградского сотрудничества, всё же выводы, вытекающие из его анализа, не выглядят слишком радужными для тех, кто склонен верить, что это сотрудничество имеет перед собой большие перспективы. Лучше, однако, по-видимому, отдавать себе отчет в ограничениях, вытекающих из реального положения вещей, чем поддаваться иллюзиям или политическому натиску.

В принципе главным замыслом книги является поиск ответа на второй вопрос – какими будут форма и направления внешней политики вышеградских стран после их вступления в ЕС. Однако только четыре автора сосредоточивают свое внимание на этой проблематике. Кроме текста М. Брусиса о перспективах вышеградского сотрудничества в рамках расширенного Европейского Союза (*Prospects of Visegrad Cooperation in an Enlarged European Union*), следует здесь назвать анализ Серены Джюсти из Центра Роберта Шумана во Флоренции, Томаша Валашека из Центра информации по делам обороны и, в особенности, главу, посвященную роли и позиции Вышеградской группы в сфере безопасности, автором которой является Радек Кохл из пражского Института международных отношений. Два последних автора критически относятся к потенциальным возможностям «разделения труда» между ЕС и НАТО в делах, связанных с безопасностью, указывая при этом на расхождения в интересах отдельных стран Вышеградской группы в этом плане. Нельзя, однако, лишиться впечатления, что первый из упомянутых в начале нашего текста вопросов вышеградского сотрудничества разработан лучше.

Иную трактовку проблем, связанных с будущим Вышеградской группы, мы находим в книге, озаглавленной *Visegrad – možnosti a meze středoevropské spoluprace*, которую в 2003 г. опубликовало издательство „Dokořan“. Работа была выполнена под руководством историка из Карлова университета Иржи Выкоуклала, кстати, специалиста по новейшей истории Польши и автора многих публикаций на эту тему. Целью книги является сопоставление опыта, который был участием народов, заселяющих Центральную Европу, и создаваемых ими идей или концепций взаимных действий с конкретной попыткой их реализации в форме Вышеградской группы. Авторы пытались доказать, в какой мере можно в этом случае

говорить об осуществлении идеи Центральной Европы не только как региона, обнаруживающего некоторые общие культурные черты, но также как территории, на которой могло возникнуть тесное сотрудничество, имеющее шанс выдержать проверку временем.

Такой аспект рассмотрения темы потребовал обширного изучения истории вышеградского сотрудничества, а также представления мотивов, которыми руководствовались конкретные страны, принимающие в нем более или менее активное участие. Это вряд ли удалось бы без анализа широкого фона, которым в этом случае является рефлексия о концепции Центральной Европы, а скорее всего то, как данную концепцию понимали и понимают в конкретных странах. Интересным дополнением глав, посвященных этим вопросам, является попытка сравнения вышеградского сотрудничества с другими формами регионального сотрудничества в Европе, а также анализ того, каким образом воспринимается Вышеградская группа в сопредельных странах. На таком солидном фундаменте авторы предприняли попытку определения перспектив вышеградского сотрудничества, причем это не столько прогнозы, сколько скорее представление условий, выполнить которые необходимо, чтобы это сотрудничество могло продолжаться и после вступления участвующих в нем стран в Европейский Союз.

Выделению названных выше вопросов соответствует композиция работы, состоящая из пяти глав, самыми интересными из которых представляются три: первая посвящена анализу восприятия идеи Центральной Европы в отдельных странах, вторая содержит оценку мотивов, которыми руководствовались политические элиты этих стран, принимая решение об участии в вышеградском объединении либо от него отказываясь, и, наконец, последняя глава, в которой подытоживается содержание предыдущих глав, а также – что самое интересное – указываются перспективы продолжения вышеградского сотрудничества после 1 мая 2004 г.

Предпринимая попытку определения, в какой мере будет возможным сохранение Вышеградской группы после расширения Европейского Союза, авторы выдвигают ряд интересных исходных положений, касающихся характера этого сотрудничества и мотивов, какими руководствовались образующие ее страны. По их мнению, на поведение политических элит в отдельных странах и их отношение к сотрудничеству

оказали влияние факторы, которые можно объединить в три группы, отражающие три отдельные категории причин и мотивов, влияющих на положительные или отрицательные позиции конкретных стран в отношении вышеградского сотрудничества. Первая из них касается сходств и различий между странами ВГ. Ко второй авторы относят факторы, побуждающие к внутреннему или внешнему сотрудничеству. Третья же группа касается того, как политические элиты отдельных стран воспринимали две предыдущие категории факторов, или, иными словами, содержит выводы политиков, которые они формулировали в отношении вышеградского сотрудничества на основании текущей ситуации и предполагаемых результатов этого сотрудничества для реализации устремлений собственной страны.

На основе представленной классификации авторы делают заключение, что лучшие условия для взаимодействия в рамках Вышеградской группы имелись в тот период, когда обстановка в отдельных странах, а также в их ближайшем или более дальнем окружении способствовала сплоченности группы. Это имело место до распада чехословацкой федерации, когда, с одной стороны, в общем интересе вышеградских стран было предотвращение негативных последствий распада СССР (а также Югославии), а с другой – процессы трансформации, проходящие в отдельных странах, не отличались друг от друга в такой степени, как в последующие годы. Главная причина наступившего позже провала сотрудничества состояла в изменении обоих факторов, усугубленная иным пониманием самого сотрудничества элитами отдельных стран, в частности, политической группой, которая после 1992 г. пришла к власти в Чешской Республике. В свою очередь, оживление вышеградского сотрудничества, которое последовало в 1998 г., было результатом (подобно изменениям в начале 90-х гг.) изменений, которые произошли во внутреннем и внешнем контексте политики стран Центральной Европы. К важнейшим из них авторы относят смену групп власти в Чехии и Словакии, а также ситуацию, в которой к концу 90-х гг. оказались вышеградские страны в связи с процессами европейской и трансатлантической интеграции. Комбинация этих факторов привела к тому, что взаимодействие в рамках Вышеградской группы вновь стало оцениваться как более полезная позиция с точки зрения интересов отдельных стран, чем подход индивиду-альный.

На этом основании авторы выдвигают гипотезу, что вышеградское сотрудничество является не столько «воздушным замком и конструкцией, опирающейся исключительно на исторические предпосылки, или результатом воздействия внешних факторов, сколько региональным компромиссом между партикулярными концепциями, возникающими в отдельных странах». Форма этого компромисса зависит от комбинации внешних и внутренних факторов, которые могут его диапазон расширять или сужать, в зависимости от того, будут ли преобладать факторы, способствующие сотрудничеству, или нет. По мнению авторов, сотрудничество в рамках Вышеградской группы может иметь устойчивое значение, смысл и перспективы также после вступления в ЕС образующих ее стран, если будут выполнены следующие, основные условия:

- вышеградское сотрудничество «должно обрести независимость» от личных политических контактов и смены правительств в отдельных странах,
- каждая из сотрудничающих стран должна воздержаться в отношениях со своими партнерами или во внешних контактах от действий, которые могли бы обернуться угрозой интересам группы как целого или какого бы то ни было из ее членов,
- вышеградское сотрудничество должно восприниматься каждой из участвующих в нем стран как самая существенная и полезная по сравнению с иными форма билаateralного или мультilaterального сотрудничества (в рамках Европейского Союза или вне его).

Выполнение этих очень общих условий считается авторами представляемой здесь публикации предварительным условием сохранения вышеградского сотрудничества после расширения ЕС, причем они не настаивают на том, должны ли быть учтены все условия или достаточно, например, выполнить только два из них. Ибо, как представляется, особенно трудным будет выполнение последнего из них. Скорее маловероятно, чтобы вышеградские страны в более долговременной перспективе рассматривали взаимное сотрудничество как более выгодное, чем «какая бы то ни было иная форма билаateralного или мультilaterального сотрудничества в рамках Европейского Союза или вне его». С другой стороны, многое свидетельствует о том, что выполнение этого условия не будет необходимым для того, чтобы страны, объединенные сегодня в

Вышеградской группе, сотрудничали друг с другом в делах, которые будут предметом их общего интереса. Кроме отличающих их различий – которые, впрочем, подробно освещаются авторами представляемой книги – существует целый ряд вопросов, которые самым натуральным образом будут их объединять. Это и может стать основой продолжения сотрудничества в измененных условиях, господствующих в Европейском Союзе. Подобного мнения придерживаются и авторы работы, постулируя превращение Вышеградской группы в объединение типа Бенилюкса или уподобление взаимного сотрудничества тому, в котором участвуют северные страны. К сожалению, данный тезис не получил здесь развития в виде более конкретных основ сотрудничества, однако глубокий и лишенный субъективных оценок анализ его сегодняшнего состояния может стать хорошим толчком для дальнейших размышлений о будущем Вышеградской группы. То же самое следует сказать в отношении первой рассмотренной здесь публикации.

Рафал Моравец

Krzysztof Malinowski (red.), *Kultura bezpieczeństwa narodowego w Polsce i Niemczech*, Instytut Zachodni, Poznań 2003 r., 312 s.

Эта книга – итог польско-германского исследовательского проекта под названием «Культура национальной безопасности в Польше и Германии и европейская безопасность», реализованного в 2002 г. в Западном институте г. Познани под руководством Кшиштофа Малиновского и при участии нескольких приглашенных к сотрудничеству исследовательских центров из Польши и Германии. Финансовую поддержку проекта осуществлял Фонд польско-германского сотрудничества. Книга состоит из семи глав, авторами которых являются участники проекта. При этом в работе явно выделяются три части. Вступительная часть, написанная редактором К. Малиновским, посвящена теоретическим и методологическим аспектам проведенных исследований, что формирует исходный пункт для анализа культуры национальной безопасности Польши (содержащегося во второй части, авторами которой являются Збигнев Мазура, Олаф Осица и Кшиштоф Мали-

новски) и Германии (в третьей части, написанной Керри Лонгхурст, Иоганнесом Фарвиком и Матиасом З. Каради).

В первой главе (*Культура национальной безопасности: концепция и возможности применения*) К. Малиновски представляет генезис появления концепции культуры национальной безопасности, ее развитие и главные исследовательские принципы. Возникновение концепции автор связывает с разочарованием исследователей в реалистических концепциях, недостаточных, как оказалось, для анализа широкого спектра новых явлений, отмечаемых в международных отношениях после окончания холодной войны (напр., почему после распада Варшавского договора не было распущено НАТО). В это время более подходящим оказался метод исследования внешней политики и политики безопасности государства через призму его политической культуры, хотя и этот подход, как отмечает автор, имеет существенные методологические недостатки. Политическая культура здесь определяется как «сфера убеждений, разделяемых обществом и политическими элитами и относящихся к политике безопасности, а следовательно, к месту данного государства в международной системе и в более узком смысле к политическим аспектам применения военной силы» (s. 16). Автор рассматривает также понятие стратегической культуры (оно появилось в Соединенных Штатах в конце семидесятых годов и касалось прежде всего военных проблем), которая является вариантом политической культуры и относится к принципам применения силы.

Теоретические размышления не являются здесь, однако, целью самой по себе. Далее автор ставит вопрос об исследовательской ценности концепции, что имеет особое значение для дальнейших размышлений практического характера. Итак, в какой степени политическая культура влияет на формулирование государством его интересов в сфере безопасности (особенно тогда, когда возникает потребность в новой формулировке – напр., в Польше после 1989 г. или в Германии после объединения), а также на поведение и адаптацию государства в международном сообществе? Здесь автор указывает на существование двух подходов: рационального, который приписывает культуре небольшое влияние на деятельность государства (делая упор на постоянство государственных интересов), и конструктивного, в большей мере учитывающего это влияние. К. Малиновски подчеркивает, что

в представленной публикации применен именно второй подход.

Последняя часть главы посвящена обрисовке культурных оснований мышления о безопасности в Польше, что находит продолжение в дальнейшей части книги. Автор указывает, что на польскую политику безопасности влияет прежде всего национальный исторический опыт, который, говоря наиболее общо, велит, во-первых, избегать ситуации, когда Польша могла бы вновь попасть в какую бы то ни было зависимость от России, а во-вторых – поддерживать деятельность во имя постоянного удержания Германии в мультилатеральных структурах.

Во второй главе, написанной Збигневом Мазуром (*Польша в Североатлантическом союзе: надежды, сомнения и колебания*), автор сосредотачивается на представлении задач, вставших перед творцами польской внешней политики после 1989 г. вообще, а также на описании процесса вступления Польши в НАТО в частности. Генезис польской политической культуры связан, по мнению З. Мазура, со столкновением в конце XIX в. двух видений, касающихся способа обретения независимости и формы будущего польского государства: «пястовского», опирающегося на концепцию падения Германии, и «ягеллонского», указывающего на неизбежность поражения России в вероятном военном конфликте. Ибо опыт периода разделов свидетельствовал о постоянной зависимости между политикой экспансии России и Германии и безопасностью польского государства – чем больше экспансия, тем большую угрозу она несет безопасности Польши. Этот опыт имел влияние на позицию политических элит после 1989 г. Тогда очевидным было то, что условием действительной ориентации Польши на Запад будет «независимость от России и устранение угрозы германского ревизионизма».

Далее автор описывает польский путь в НАТО (указывая, однако, на тот факт, что в первой половине девяностых годов среди политиков появились альтернативные концепции обеспечения безопасности государства), представляя, в частности, позиции поочередно сменявших друг друга на этом посту министров иностранных дел по данному вопросу. В конце З. Мазур ставит популярный в последнее время в дискуссии о польской политике безопасности вопрос: в такое ли именно НАТО мы хотели вступить? Какую позицию должна занять Польша в дискуссии о новых задачах союза –

дискуссии, которая крайне интенсивно ведется особенно после событий 11 сентября? Как должны выглядеть отношения НАТО с Россией, чтобы это не угрожало польским интересам? Автор анализирует также проблемы, которые вызывают в Польше наибольшее беспокойство. Это спад интереса Соединенных Штатов, во-первых, к сотрудничеству с союзниками, а во-вторых – к ситуации в Европе, а также несовпадение интересов США и Западной Европы. Свои размышления автор заканчивает довольно горькой констатацией: членство в НАТО не изменило геополитических условий («геополитическое проклятие»), а творцы польской политики безопасности должны сознавать исходящую из этого угрозу.

Автор третьей главы Олаф Осица представил позицию Польши в отношении (новых) операций НАТО, а также развития Общей политики безопасности и обороны ЕС. Уже в самом начале автор поставил очень интересный, хотя и не новый вопрос: почему Польша, переживающая такие огромные экономические трудности, решает на участие своих вооруженных сил в регионах, в которых не имеет никаких непосредственных интересов? Почему в трансатлантических спорах мы чаще всего (всегда?) принимаем сторону Соединенных Штатов? Почему так холодно относимся к европейским проектам строительства общей политики безопасности? Ключом к поиску правильного ответа является здесь, по мнению автора, историко-культурный контекст, в котором формировалась польская политика безопасности. Среди факторов, формирующих ее, автор называет, в частности, опыт потери государственности, который закончился выработкой определенных принципов: «ничего о нас без нас», принципа союзнической лояльности, а также внимания к соблюдению прав человека. Два последних объясняют, напр., польское участие в интервенции в Косове и Афганистане. Неприятие же Общей политики безопасности и обороны можно объяснить тем, что мы руководствуемся принципом «ничего о нас без нас» (ЕС неохотно привлекает к сотрудничеству в рамках ОПБО даже страны-кандидаты на вступление в него). В заключение О. Осица формулирует, однако, определенное предостережение: культурные идеалы, хотя и очень полезные для понимания некоторых решений в сфере политики безопасности, действуют все же как фильтр – они велят замечать одни явления, а другие отодвигать на второй план. В

то же время, такая схема в долговременной перспективе может оказаться губительной.

Размышления О. Осиды о влиянии историко-культурного фактора продолжает в четвертой главе К. Малиновски (*Опыт Ялты. Польша и идея коллективной безопасности под эгидой КБСЕ/ОБСЕ*). Главный тезис автора состоит в том, что на формулирование позиции Польши в отношении КБСЕ/ОБСЕ имели влияние исторически определившиеся интересы и переживания, к которым принадлежит, в частности, опыт Ялты, а также убеждение, что система коллективной безопасности неэффективна (здесь автор возвращается к межвоенному периоду и опыту Лиги Наций и т. п.). Это они повлияли на эволюцию позиции Польши (автор выделяет три фазы формирования данной позиции) в отношении идеи КБСЕ/ОБСЕ. В доказательство своих тезисов автор дает богатый фактографический материал, иллюстрирующий дискуссию, которая шла среди политиков по вопросу о коллективной безопасности под эгидой КБСЕ, напоминает позиции, которые занимали по этому вопросу поочередно сменявшие друг друга на данном посту министры иностранных дел, и приводившиеся ими аргументы. Из них следует, что именно уже упоминавшийся исторический опыт повлиял на то, что Польша представляла в этой дискуссии позицию совершенно отличную от позиции Российской Федерации или Германии. Отношение последних к идее КБСЕ/ОБСЕ анализирует, в свою очередь, в заключительной главе книги М. З. Каради. Он объясняет мотивы, лежавшие в основе германской политики в момент созыва КБСЕ. Подобно К. Малиновскому, автор делит политику (объединенной) Германии в отношении ОБСЕ на три фазы, указывая, что после начального периода ангажированности (1990-1992), с 1992 г. активность Германии явно снизилась – хотя это и не означает, что важные германские инициативы не были реализованы (напр., введение принципа «консенсус минус один», установление каталога норм в рамках «Кодекса»).

Глава, написанная Керри Лонгхурст, открывает третью часть книги. Автор производит в ней анализ понятия «германская стратегическая культура», его содержания и политического значения. Далее представлен генезис и развитие германской стратегической культуры в контексте ремилитаризации Германии после второй мировой войны. Исходным пунктом для автора здесь является понятие *Stunde Null* (часа ноль), т. е.

то, что несло с собой для Германии окончание второй мировой войны – необходимость совершения принципиальных переоценок. Это именно «час ноль» создал т. н. фондовые элементы германской стратегической культуры: отрицание войны как средства политики, ограничение значения военных дел, отказ от мышления в категориях государства и нации, падение статуса профессии инженера, девальвация военных ценностей. Это нашло отражение, в частности, в Основном законе, в который лишь с 1956 г. были введены положения, касающиеся вопросов безопасности и армии. Определенные изменения появились только в связи с планами Аденауэра, а также ситуацией в Центральной Европе в 70-е гг., когда планировщики на Западе признали необходимость существования германской армии для эффективной защиты Западной Европы. К. Лонгхурст напоминает также дискуссию по вопросу о ремилитаризации Германии (напр., проект, содержащийся в Химмеродском меморандуме).

Возвращаясь, однако, к фондовым элементам, К. Лонгхурст утверждает, что они отражаются на регуляционной практике, касающейся, в частности, уставных положений Бундесвера, формирования гражданско-воинских отношений и т. п. Практически именно лишь в контексте германской стратегической культуры мы можем объяснить германское неприятие унилатеральных действий, одобрение неконфронтационных стратегий, склонность к компромиссным решениям. Такая схема хорошо функционировала в период холодной войны. После ее окончания появились, однако, опасения, удастся ли данную схему сохранить. Данные сомнения появились не только в самой Германии, но и среди ее союзников (не должна ли она активнее, читай – также в военном смысле, вовлекаться в разрешение конфликтов, угрожающих мировой безопасности?). Описывая действия Германии в Персидском заливе, во время конфликта в Югославии (в том числе в Косове), автор констатирует, однако, что деятельность объединенной Германии свидетельствует о продолжении идеала германской стратегической культуры.

С этим тезисом соглашается также Иоганнес Фарвик в главе под названием *Стратегическая культура и изменения в политике безопасности Германии*. Он указывает, что, хотя политика объединенной Германии теперь является другой, стратегическая культура в этой стране не изменилась. Кроме того, автор концентрируется на описании новой миссии Бунде-

свера, а также на политическом и правовом аспекте дискуссии на эту тему. Он также воспроизводит принципиальные мотивы полемики, сопровождавшей участие Германии в интервенции в Косове, а также операции *Enduring Freedom* (*Несокрушимая свобода*) в Афганистане. Принципы, которыми в этом случае руководствовалась Германия, – это принцип союзнической солидарности, повышенной ответственности Германии после ее объединения, а также обязательства по защите прав человека. Данные принципы не входят в противоречие с идеалом германской стратегической культуры.

Достоинством рецензируемой публикации является то, что, как подчеркивают сами авторы, она представляет исследовательский подход, мало известный в Польше. Оказывается, что зависимость между политической культурой и государственным выбором в области политики безопасности, которую мы интуитивно чувствуем, функционирует в сфере науки, предоставляя удобную схему для интерпретации и анализа. Принимая во внимание польский опыт «трудного соседства», интересен был бы анализ культуры национальной безопасности Российской Федерации.

То, что мы можем отнести как к достоинствам, так и к недостаткам данной работы, – это богатый, иногда даже слишком подробно представленный фактографический материал, который использовали в доказательство своих тезисов почти все авторы. Кроме очевидной пользы применения именно такого метода, он несет с собой, однако, и определенные несогласованности. Например, количество приводимых цитат заслоняет местами ясность вывода, вплоть до потери начатой мысли. Такое впечатление иногда усиливает тот факт, что авторы, хотя и дают определение используемым понятиям политической культуры, стратегической культуры, культуры безопасности и т. п., в своих рассуждениях применяют их взаимозаменяемо.

Я рекомендовала бы прочитать эту книгу прежде всего тем, кто имеет непосредственное или опосредованное влияние на формирование польской политики безопасности. Ибо содержащиеся в ней идеи склоняют к размышлению о том, что же на самом деле определяет принятие именно того, а не иного решения в данной сфере.

Беата Гурка-Винтер